

3. Хиазм сосредоточен в части ремы (периферийно-рематический): ...je garde ma gaieté, ce que j'ai amassé en cinquante ans de promenade, en long, en large de la vie, de belle humeur et de malice, et de folle sagesse ou de sage folie (Rolland).

4. Хиазм сосредоточен в части темы (периферийно-тематический): To have a stomach and lack meat; to have meat and lack a stomach; to lie in bed and cannot rest: are great miseries (пословица).

* * *

Рассматривая семантику хиазма, необходимо учитывать еще один аспект этой проблемы: место и семантический вес хиазма в целом тексте. Здесь амплитуда колебаний огромная. Хиазм может представлять собой целый текст, быть самодостаточным. Это касается, конечно, в первую очередь афоризмов. Мысль, склонная к афористичности, обязательно пробует себя на оселке хиазма. Известные мастера афористики Ларош-фуко, Монтень, Шамфор, Ключевский и мн. др. нередко строят свои максимы в хиастической форме. Среди самодостаточных хиазмов, во-вторых, встречаются юмористические миниатюры. Это могут быть какие-нибудь непритязательные фразы с 16-й полосы «Литературной газеты» («Жена друга много лучше, чем друг жены»), которые носят нарочито фрагментарный характер и тем не менее представляют собой законченное целое, а могут быть и цельнооформленные произведения, вроде миниатюры Ф. Кривина «Арифметика»: «Ни одно отрицательное число не считает себя отрицательным, и каждый свой минус рассматривает как плюс, а чужой плюс считает большим минусом». Или юморески М. Яснова «В библиотеке»: «Мышка под книжкой/С книжкой под мышкой». В-третьих, лирическое произведение, которое представляет собой хиазм, как, например, эпитафия Л. Григорьяна «Утешение»: «Я был тобой совсем недавно/Ты будешь мной когда-нибудь». Или стихотворение Превера «Education civique»: «Après la peur de la mort/la mort de la peur,/et enfin la vie».

Близко ко всем этим самодостаточным хиазмам по весу в целом стоят хиазмы-заголовки. Как всякий заголовок, они, выступая в качестве антиципации темы, в конденсированном виде выражают содержание идущего вслед за ними текста — чтобы подготовить читателя к его восприятию. Но хиастическая форма позволяет еще подать тему в остраниченном виде и тем самым как бы заинтриговать, заинтересовать читателя: «Grammar of poetry and poetry of grammar» (Jacobson). «Die moralisierende Kritik und die kritisierende Moral» (Marx). «Искусство памяти и память искусства» (Д. С. Лихачев). «Значения формы и формы значения» (Левый).

Гораздо меньший семантический вес для целого имеют хиазмы, когда они включены в более или менее объемистый текст. Развивая тему, общие, рематические или тематические хиазмы могут представить перебор возможных вариантов, возможных ситуаций, как в стихотворении Десноса «Domaine public»: Il était un grand nombre de fois/Un homme qui aimait une femme./Il était un grand nombre de fois/Une femme qui aimait un homme./Il était un grand nombre de fois/Une femme et un homme/Qui n'aimaient pas celui/Et celle qui les aimait./Il était une fois/Une seule fois peut-être/Une femme et un homme qui s'aimaient.

Они могут также выступать как афористическая формулировка итога, вывода, как завершение какой-либо темы для мотива: Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Более того, смешное потому и смешно, что оно правдиво. Иначе говоря, не все правдивое смешно, но все смешное правдиво (Искандер).

Семантический вес хиазма, включенного в более или менее протяженный контекст, сильно возрастает, когда хиазм выступает как *pointe*, «изюминка» высказывания, остроумно венчающая развитие темы: Qu'on parle mal ou bien du fameux cardinal, /Ma prose ni mes vers n'en diront.